Ниал Фергюсон

Империя

Niall Ferguson

Empire

How Britain Made
the Modern World

Ниал Фергюсон

Империя

Чем современный мир обязан Британии

Перевод с английского
Константина Бандуровского

издательство **астрель**

Москва

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)
Ф43

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Издание осуществлено при содействии издательства АСТ

Фергюсон, Ниал
Ф43 Империя: чем современный мир обязан Британии / Ниал Фергюсон; пер. с англ. К. Бандуровского. – Москва : Астрель : CORPUS, 2013. – 560 с.

ISBN 978-5-271-42661-2 (ООО "Издательство Астрель")

Как удалось обитателям дождливого островка в Северной Атлантике построить, а после потерять империю, над которой "не заходило солнце"? Что было целью колониальной политики британцев: грабеж — либо "экспорт свободы и порядка"? Есть ли в XXI веке спрос на империализм? Провокационная книга Ниала Фергюсона повествует о почти трехвековом мировом владычестве англичан и его плодах, сладких и горьких. Одни критики считают "Империю" оправданной попыткой реабилитировать колониализм. Другие шлют Британской империи — и Фергюсону — проклятия.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-271-42661-2 (ООО "Издательство Астрель")

© Niall Ferguson, 2003
All rights reserved
© К. Бандуровский, перевод на русский язык, 2013
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
© ООО "Издательство Астрель", 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Введение 11

Глава 1. Почему Британия? 35

Глава 2. “Белая чума” 97

Глава 3. Миссия 171

Глава 4. Порода небес 233

Глава 5. Сила “максима” 303

Глава 6. Империя на продажу 391

Заключение 475

Благодарности 499

Иллюстрации 502

Библиография 505

Предметно-именной указатель 527

Посвящается Кену и Вивьен

Старая широкая река, не тронутая рябью, покоилась на склоне дня после многих веков верной службы людям, населявшим ее берега; она раскинулась невозмутимая и величественная, словно водный путь, ведущий к самым отдаленным уголкам земли... Поток, вечно несущий свою службу, хранит воспоминания о людях и судах, которые поднимались вверх по течению, возвращаясь домой на отдых, или спускались к морю, навстречу битвам. Река служила всем людям, которыми гордится нация... По ней ходили все суда, чьи имена, словно драгоценные камни, сверкают в ночи веков... Река знала суда и людей; они выходили из Дэтфорда, из Гринвича, из Эрита — искатели приключений и колонисты, военные корабли и торговые капитаны, адмиралы, неведомые контрабандисты восточных морей и эмиссары, "генералы" Восточного индийского флота. Те, что искали золота, и те, что стремились к славе, — все они спускались по этой реке, держа меч и часто — факел, посланцы власти внутри страны, носители искры священного огня. Какое только величие не плыло вверх по реке в тайну неизведанной земли! ... Мечты мужчин, семена республик, гермы империй.

Джозеф Конрад,
"Сердце тьмы"*

* Пер. А. Кривцовой. Далее, если не указано иное, — примечания автора.

Введение

Британия распоряжается сегодня судьбами около 350 миллионов чужеземцев, неспособных пока еще управлять самостоятельно и становящихся легкими жертвами грабежа и беззакония, если сильная рука не ведет их. Она дает им порядок, который, без сомнения, имеет свои недостатки, но который, осмелюсь утверждать, ни один завоеватель прежде не давал зависимым от него людям.

Профессор **Джордж М. Ронг** (1909)

Мы признаем, что колониализм привел к расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и что жители Африки и лица африканского происхождения, а также лица азиатского происхождения и коренные народы были жертвами колониализма и продолжают быть жертвами его последствий.

Декларация ООН о ликвидации всех форм
расовой дискриминации (2001)

Некогда существовала империя, которая управляла примерно четвертью населения планеты, занимала примерно четверть ее суши и господствовала почти над всеми ее океанами. Британская империя была крупнейшей в истории. Как дождливый архипелаг, лежащий на северо-западе Европы, получил такую власть над миром — один из фундаментальных вопросов не только истории Англии, но и всемирной истории. Это один из вопросов, на который стремится дать ответ эта книга. Второй — возможно, более трудный — вопрос звучит просто: была ли империя благом — или злом.

Сейчас принято считать, что в конечном итоге она была злом. Вероятно, главной причиной того, что империя приобрела дурную славу, была ее причастность к атлантической работорговле и непосредственно к рабству. Это больше не предмет только исторического спора. Теперь это политический и потенциально юридический вопрос. В августе 1999 года Африканская комиссия правды по вопросам мировых репараций и репатриации, собравшаяся в Аккре (Гана), потребовала компенсации от "всех западноевропейских и американских народов и институтов, которые участвовали в работорговле и колониальных захватах и извлекли из этого выгоду". Была определена и сумма, основанная на оценке "числа человеческих жизней, потерянных Африкой в период ведения работорговли, а также стоимо-

сти золота, алмазов и других полезных ископаемых, отнятых у континента за время колониального правления": 777 триллионов долларов. Если учесть, что более трех миллионов рабов-африканцев из примерно десяти миллионов, пересекших до 1850 года Атлантику, ехали на английских судах, британская доля может составить около 150 триллионов фунтов стерлингов.

Эти требования могут показаться фантастическими, однако идея получила некоторую поддержку Всемирной конференции ООН против расизма, расовой дискриминация, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, прошедшей летом 2001 года в Дурбане (Южная Африка). В итоговом документе конференции "признается", что рабство и работорговля являются "преступлением против человечности", жертвами которого стали "жители Африки и лица африканского происхождения, а также жители Азии и лица азиатского происхождения и коренные народы". В призыве к государствам-членам ООН "почтить память жертв прошлых трагедий" колониализм свален в кучу с "рабством, работорговлей, трансатлантической торговлей рабами… апартеидом и геноцидом". Участники конференции, отметив, что "некоторые государства взяли на себя инициативу, принесли извинения и, в соответствующих случаях, выплатили возмещение за совершенные грубые и массовые нарушения", порекомендовали "всем, кто еще не внес вклад в восстановление достоинства жертв, изыскать соответствующие пути для этого".

Эти требования не прошли незамеченными в и самой Англии. В мае 2002 года директор лондонского аналитического центра "Демос", который можно назвать авангардом "новых лейбористов", предложил, чтобы королева предприняла "кругосветное путешествие, чтобы принести извинения за прошлые грехи империи как первый шаг, чтобы сделать [Британское] Содружество более эффективным и дееспособным". Новостное агентство, сообщившее об этом замечательном предложении, добавило полезное примечание: "Критики Британской империи, которая в 1918 году господствовала над четвертью

мирового населения и суши, утверждают, что ее огромные богатства были получены путем притеснения и эксплуатации".

Во время написания этой книги один из сайтов Би-би-си, видимо, предназначенный для школьников, предложил столь же категоричную трактовку:

> [Британская] империя достигла величия, истребив множество хуже вооруженных людей и обокрав их страны. Позднее методы изменились: особенную известность получила такая военная тактика, как расстрел множества людей из пулеметов… [Она]… распалась на части благодаря таким людям, как Махатма Ганди — герою-революционеру, чуткому к чаяниям своего народа.

Вопросы, недавно озвученные выдающимся историком на телеканале Би-би-си, по сути, выразили общепринятую точку зрения. Он спросил: "Почему народ, который считал себя свободным, в итоге поработил большую часть мира? Почему империя свободных людей стала империей рабов"? Почему, несмотря на свои "благие намерения", британцы пожертвовали общечеловеческим ради "фетиша рынка"?

Бенефициары

Благодаря Британской империи мои родственники расселились по всему миру — они живут в Альберте, Онтарио (Канада), Филадельфии (США) и Перте (Австралия). Благодаря империи Джон, мой дед по отцовской линии, в двадцатилетнем возрасте продавал скобяные изделия и выпивку индейцам в Эквадоре*. Я рос, восхищаясь двумя большими пейзажами Анд, которые он повесил на стене гостиной моей бабушки, и двумя мрачными куклами индейцев, согнувшимися под тя-

* Не колония, конечно, но все же часть британской неофициальной экономической империи.

жестью вязанки, которые совершенно не сочетались с фарфоровыми статуэтками в застекленном шкафу. Из-за империи мой второй дед, Том Гамильтон, офицер ВВС, более трех лет сражался с японцами в Индии и Бирме. В своих письмах, любовно сохраненных бабушкой, он удивительно подробно и выразительно рассказывает о Британской Индии в военное время и рассматривает английское владычество через призму своего скептического либерализма. Я все еще помню, как радовался, перебирая его индийские фотографии. Помню мурашки от его историй о пикирующих "бортах" и изматывающей жаре. Благодаря империи мой дядя Иан Фергюсон, имевший образование архитектора, получил работу в калькуттской фирме "Макинтош-Берн" — филиале управляющего агентства "Гилландерс". Затем он пошел на флот и оставшуюся часть жизни провел за границей: сначала в Африке, а после в странах Персидского залива. Мне он казался самой сущностью авантюриста-бродяги: загоревший, сильно пьющий и отчаянно циничный. Это был единственный человек, который всегда, с самого раннего моего детства, обращался ко мне как к взрослому — со сквернословием, черным юмором и всем прочим.

Его брат — мой отец — тоже испытал в свое время приступ *Wanderlust**. В 1966 году, после окончания медицинского факультета в Глазго, он пренебрег советами друзей и родственников и уехал с женой и двумя маленькими детьми в Кению, в Найроби, где и работал в течение двух лет, преподавая и занимаясь врачебной практикой. Таким образом, благодаря Британской империи мои воспоминания раннего детства связаны с колониальной Африкой: хотя Кения к тому времени три года была независимой, а по радио постоянно звучало *харамбе* ("потянем") Джомо Кениаты, едва ли там что-либо изменилось со времен Второй мировой. У нас были свое бунгало, служанка, поверхностное знание суахили и ощущение совершенной безопасности. Это волшебное время навсегда запечатлело в моей

* Охота к перемене мест (*нем.*) — *Прим. пер.*

памяти вид охотящегося гепарда, пение женщин из племени кикуйю, запах первых дождей и вкус спелого манго. Думаю, моя мать никогда не была более счастлива. И хотя мы в итоге возвратились в Глазго, наш дом всегда оставался полон кенийских сувениров. На диване лежала кожа антилопы, на стене висел портрет воина масаи. В комнате стояла грубая, но изящно украшенная скамья для ног, на которую моей сестре и мне нравилось залезать. У каждого из нас был барабан из кожи зебры, пестрая корзина из Момбасы, мухобойка из волос антилопы гну, кукла кикуйю. Не осознавая того, мы росли в небольшом постколониальном музее. У меня до сих пор хранятся деревянные гиппопотам, бородавочник, слон и лев, которые некогда были главными моими сокровищами.

Мы вернулись домой, в Шотландию — навсегда. А вот моя двоюродная бабушка Агнес Фергюсон (для тех, кто ее знал — Агги) не вернулась. Она родилась в 1888 году в семье моего прадеда Джеймса Фергюсона, садовника, и его первой жены Мэри. Агги стала примером преобразующего влияния имперской мечты. В 1911 году, соблазненные очаровательными картинами канадских прерий, она и ее новоиспеченный супруг Эрнест Браун решили последовать примеру его брата: оставить дом, семью и друзей в Файфе и отправиться покорять Запад. В обмен на бесплатные сто шестьдесят акров целины в Саскачеване они должны были построить там жилье и обрабатывать землю. Согласно семейной легенде, Агги и Эрнест хотели плыть на “Титанике”, но на борту случайно оказался только их багаж. Это была удача, однако им пришлось начать новую жизнь с нуля. Агги и Эрнест, думавшие сбежать от противной шотландской зимы, быстро разочаровались. Гленрок оказался глушью, где постоянно дул ветер и где было гораздо холоднее, чем в промозглом Файфе. Там было *жуть как* холодно, о чем Эрнест и написал своей невестке Нелли. Первое их жилище было настолько примитивным, что они прозвали его “курятником”. Ближайший город, Муз-Джо, находился на расстоянии девяноста пяти миль. Сначала

их непосредственными соседями были индейцы — к счастью, дружелюбные.

И все же черно-белые фотографии, аккуратно отправляемые родственникам на Рождество и изображавшие самих переселенцев и их "дом в прериях", безыскусно рассказывают историю успеха и самореализации, историю о трудном достижении счастья. Став матерью трех здоровых детей, Агги перестала выглядеть жалкой эмигранткой. Эрнест, обрабатывая землю прерий, стал загорелым и широкоплечим, он похорошел и сбрил усы. "Курятник" сменился домом, обшитым досками. Ощущение изоляции по мере того, как все больше шотландцев селилось в этом районе, уходило. Это давало возможность вдали от родины отмечать вместе с соотечественниками Хогманай*, поскольку "здесь немногие, кроме шотландцев, празднуют Новый год". Сейчас десять их внуков живут в Канаде — стране, в которой доход на душу населения не просто на 10 % выше британского. Он таков, что уступает только показателю Соединенных Штатов. И это все благодаря Британской империи.

Поэтому я не могу сказать, что вырос в "тени империи": это значило бы нарисовать слишком мрачную картину. Для шотландцев империя была ярким солнечным светом. К 70-м годам XX века от нее, возможно, осталось не так уж и много, однако моя семья была всецело воспитана в имперском духе, и его важность не подвергалась сомнению. Действительно, наследие империи было вездесущим, и мы считали ее частью жизни. Каникулы, проведенные в Канаде, нисколько не изменили это впечатление — как и систематические нападки на католическую Ирландию, которые в те дни были обычным делом для обитателей южного берега реки Клайд. Я рос, все еще самодовольно думая о Глазго как о "втором городе" империи. Я читал — некритически — романы Генри Р. Хаггарда и Джона Бакена. Я восторгался всеми (по сути импер-

* Шотландский народный праздник, отмечаемый в последний день уходящего года. — *Прим. пер.*

скими) спортивными схватками, в первую очередь — турами "Британских львов" по Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке (пока они не были, к сожалению, прекращены)*. Дома мы ели "имперское печенье", а в школе посещали "имперскую стрельбу".

Доводы против

Ко времени, когда я стал подростком, образ мира, управляемого невозмутимыми парнями в красных мундирах и пробковых шлемах, стал чем-то вроде избитой шутки, сырьем для "Летающего цирка Монти Пайтона" или "Так держать: вперед через Хайбер". Архетипический сюжет этого жанра показан, на мой взгляд, в фильме "Смысл жизни по Монти Пайтону". Забрызганный кровью "Томми", смертельно раненный в сражении с зулусами, исступленно восклицает: "Полагаю, я убил пятнадцать этих гомиков, сэр. Там, дома, меня бы повесили! Здесь мне дадут гребаную медаль, сэр!"

В 1982 году, когда я поступил в Оксфорд, империя уже не казалась даже смешной. "Оксфордский союз"** тогда обсуждал торжественные заявления, выдержанные в духе "Наш колледж сожалеет о колонизации". Будучи молодым и глупым, я опрометчиво выступил против подобных жестов и тем самым преждевременно завершил свою карьеру в студенческой политике. Мне стало понятно, что далеко не все разделяют мое радужное видение имперского прошлого Британии. Мало того: некоторых однокашников возмутила моя готовность его

* Запрет спортивных туров по Африке легко согласуется с либерал-империалистическими взглядами моей юности. Казалось очевидным, что отказ от предоставления африканерами чернокожим южноафриканцам гражданских и политических прав попросту открыл истинное лицо первых, оправдав прежние (к сожалению, неудачные) усилия просвещенных британцев сломить их господство. Боюсь, что мысль о возможной связи между системой апартеида и британским правлением (или о том, что британцы когда-либо практиковали апартеид) вообще не приходила мне в голову.

** Дискуссионное общество Оксфордского университета. — *Прим. ред.*

защищать. Начав изучать предмет более серьезно, я с прискорбием заключил, что я сам, как и моя семья, были дезинформированы: издержки Британской империи существенно перевесили выгоду от нее. В конечном счете империя оказалась одним из Величайших Зол.

Нет нужды приводить аргументы против империализма. Я думаю, их можно объединить в две группы. Первый подход подчеркивает отрицательные последствия империализма для порабощенных, второй — для колонизаторов. К первой традиции принадлежат как националисты, так и марксисты (Голам Хосейн Хан, индийский историк, живший еще в эпоху Великих Моголов, автор "Обзора новых времен" (1789), палестинский ученый Эдвард Саид, автор книги "Ориентализм" (1978), Ленин и другие). Ко второму лагерю относятся либералы — от Адама Смита до тех, кто утверждал, что Британская империя даже для англичан является "пустой тратой денег".

Основной смысл и националистического, и марксистского подходов заключается в том, что империализм основывается на экономической эксплуатации и колониализм во всех его проявлениях (включая даже искренние попытки европейцев понять культуру коренных народов), в сущности, нацелен на максимизацию "прибавочной стоимости", получаемой в процессе такой эксплуатации. Точка зрения либералов еще парадоксальнее. Именно потому, что империализм исказил рыночные силы, используя все средства (от войны до преференциальных пошлин), чтобы соблюсти интересы метрополии, он не пошел на пользу экономике метрополии в долгосрочной перспективе. Согласно этой точке зрения, нужна была свободная экономическая интеграция с остальными частями мира, а не имперская, принудительная интеграция. Таким образом, Британии следовало инвестировать в национальную промышленность, а не в далекие колонии. При этом затраты на оборону империи несли английские налогоплательщики, которые, возможно, в ином случае потратили бы деньги на современные потребительские товары. Некий ученый муж

в новой “Оксфордской истории Британской империи” предположил даже, что если бы Британия в середине 40-х годов XIX века избавилась от своей империи, то она, возможно, получила бы от деколонизации “дивиденды” в форме снижения налогов на 2,5 %. Деньги, которые сэкономили бы в этом случае налогоплательщики, они, вероятно, потратили бы на электричество, автомобили и потребительские товары длительного пользования и тем самым помогли бы модернизации отечественной промышленности.

Почти сто лет назад люди вроде Дж. А. Гобсона и Леонарда Хобхауса приводили очень похожие аргументы. Сами они в какой-то мере были наследниками Ричарда Кобдена и Джона Брайта, работавших в 40-х — 50-х годах XIX века. Конечно, еще Адам Смит в своем “Исследовании о природе и причинах богатства народов” (1776) выразил сомнения в разумности “формирования нации потребителей, которые были бы принуждены покупать у различных наших производителей все, что те смогут предложить”. Однако именно Кобден первый настаивал на том, чтобы расширение британской торговли шло рука об руку с внешней политикой полного невмешательства. Он утверждал, что торговля есть “главная панацея”, которая,

> как благотворное медицинское открытие, будет служить тому, чтобы привить всем нациям здоровый… вкус к цивилизации. От наших берегов отправляется не просто кипа товара: он несет семена рациональности и плодотворной мысли членам менее просвещенного общества. Иностранный торговец не просто посещает наши предприятия… Он возвращается в свою страну миссионером, несущим весть о свободе, мире и хорошем правительстве. А наши пароходы, которые заходят во все порты Европы, и наши удивительные железные дороги, о которых говорят все народы, служат рекламой и свидетельствами ценности наших просвещенных общественных институтов.